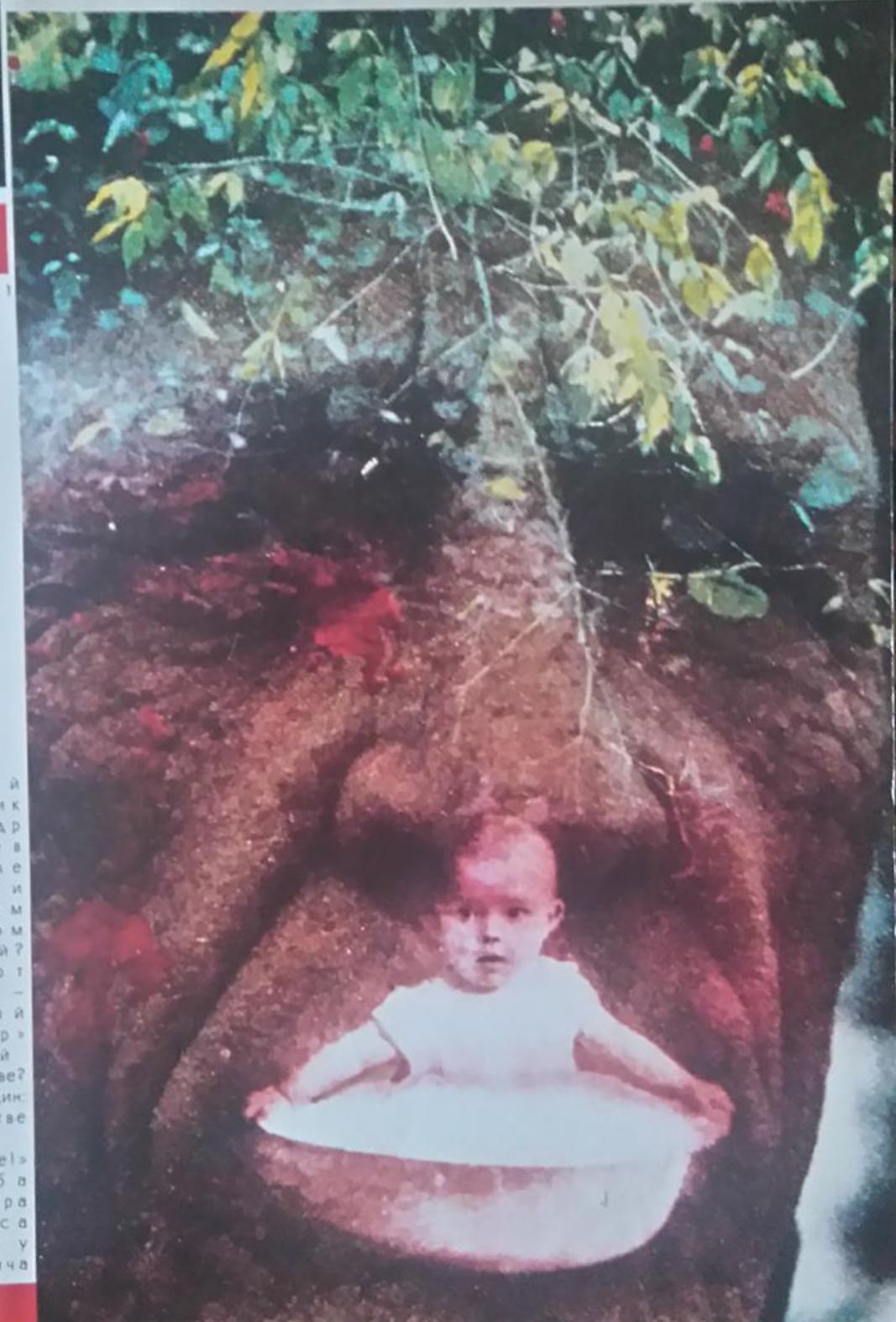

Январь 1991

Бывший десантник Александр Яковлев в Кремле был ли хорошим артистом Высоцкий? **А**льберт Лиханов — богатый «министр» бедных детей. **Т**анки в Литве? **М**ихаил Ельцин: «В детстве я был послушнее!» **С**вадьба миллионера Сабониса **В** гостях у Шафаревича

3,95 руб.
\$ 2,95

— Вы по-прежнему советский пограничник?

— Да. И говорить о том, что я «пока еще здесь». «все еще, как ни странно, имею советский паспорт», с моей точки зрения, бестактно.

— В стране нет мыла, хлеба, сигарет — ничего. У вас все: има, доллары, блестящие перспективы. Многим кажется, что таким, как вы, здесь не место.

— Тем не менее я прошу, нет, даже настаиваю, чтобы в интервью вы зафиксировали мое возмущение, потому что большая часть нашей прессы постоянно делает какие-то намеки в мой адрес. Я по-прежнему, повторяю, советский подданный, я — русский. Пока что я не собираюсь «там» оставаться. Хотя в то же самое время не собираюсь и посвящать кого бы то ни было в свои планы. Но писать о том, что для советской оперной сцены я «потерян», нелепо...

— Если завтра будет принят закон о выезде-авезде, сколько талантливых музыкантов останется в СССР?

— Вначале, наверное, будет паломничество, но через некоторое время основная часть певцов, музыкантов, думаю, вернется. На Западе всем хватает места и работы, и воздуха. Но, поверьте, выжить там непросто. Нужно иметь не только талант, но и могущественных помощников, спонсоров, меценатов, и, как правило, не многим с этим везет. Я думаю, что через некоторое время — при известном успехе экономических реформ — вполне возможен приток творческих людей к нам, обратно. Можно будет свободно выезжать и жить там, где хочется.

— Теперь вы — суперзвезда и potete на прославленных оперных сценах мира. Ощущаете ли вы, что совершенствуетесь?

— Ну естественно. Я это обычно возможностью работать с выдающимися мастерами. Я получил ее благодаря моему та-

Звезды мировой оперы
Наталья Троицкая (оттуда) и Дмитрий
Хворостовский (тука).

«ПРЕКРАТИТЕ НАМЕКИ В МОЙ АДРЕС»

— требует 27-летний гений баритона
Дмитрий Хворостовский.
Последнее интервью
перед отлетом в Италию
— корреспонденту журнала «Я»

ФОТО А. СЕДУХИНА

данту и в немалой степени благодаря тому ажиотажу, какой возник на Западе в связи с моим именем. Я прекрасно все вижу и знаю, что у нас происходит. Вы поймите, пятьдесят процентов времени я провожу в нашей стране. Единственное, чем я от вас отличаюсь, так это тем, что имею валюту и потому могу купить в валютном буфете хлеба, в гостинице «Россия», сосиски, которые мы сейчас с женой ели, или вот этот кофе, которым вас сейчас угощаю.

— Как вы относитесь к Большому театру?

— Сложно. Раньше это было чувство негодования, глубочайшей обиды. Сейчас это в какой-то мере улеглось, прошло. Мне очень хочется, чтобы Большой стал настоящим театром, воспринимал былую славу, любовь к себе. А для этого нужен уровень певца. Поймите, я не говорю о себе. Возможно, я и не достоин жить на сцене Большого, но я знаю достаточно артистов, которые не только нуждаются в нем, но и в которых Большой нуждается. Как так случилось в свое время, что Барчуладзе, будучи лауреатом конкурса имени Чайковского, не стал солистом Большого? Как случилось, что Курегин и Мурадян миновали Большой театр?

А вообще, очень много талантливых вокалистов оказалось попросту театру не нужны.

— Ну, наверное, в Большом театре происходило все то же, что и в большой стране?

— Очень возможно. Ведь в последние годы в театре сложилась порочная система отношений не только между администрацией и труппой — что давно известно, — но и среди артистов. Отказ и смещение ценностей, замкнутая человеческая этика. Ведь невозможно нормально — я уже не говорю замечательно, интересно — работать там, где в сложившихся условиях, уже попросту нет сил жить.

1991 Январь журнал «Я»

«ПРЕКРАТИТЕ НАМЕКИ В МОЙ АДРЕС»,

- требует 27-летний гений баритона Дмитрий Хворостовский.

Последнее интервью перед отлетом в Италию –

корреспонденту журнала «Я».

- Вы по-прежнему советский подданный?

- Да. И говорить о том, что я «пока еще здесь», «все еще, как ни странно, имею советский паспорт», с моей точки зрения, бестактно.

- В стране нет мыла, хлеба, сигарет - ничего. У вас все: имя, доллары, блестящие перспективы. Многим кажется, что таким, как вы, здесь не место.

- Тем не менее я прошу, нет, даже настаиваю, чтобы в интервью вы зафиксировали мое возмущение, потому что большая часть нашей прессы постоянно делает какие-то намеки в мой адрес. Я по-прежнему, повторяю, советский подданный, я - русский. Пока что я не собираюсь «там» оставаться. Хотя в то же самое время не собираюсь и посвящать кого бы то ни было в свои планы. Но писать о том, что для советской оперной сцены я «потерян», нелепо...

- Если завтра будет принят закон о выезде-въезде, сколько талантливых музыкантов останется в СССР?

- Вначале, наверное, будет паломничество, но через некоторое время основная часть певцов, музыкантов, думаю, вернется. На Западе всем хватает места и работы, и воздуха. Но, поверьте, выжить там непросто. Нужно иметь не только талант, но и могущественных помощников, спонсоров, меценатов, и, как правило, не многим с этим везет. Я думаю, что через некоторое время - при известном успехе экономических реформ - вполне возможен приток творческих людей к нам, обратно. Можно будет свободно выезжать и жить там, где хочется.

- Теперь вы - суперзвезда и поете на прославленных оперных сценах мира. Ощущаете ли вы, что совершенствуетесь?

- Ну естественно. Я это объясняю возможностью работать с выдающимися мастерами. Я получил ее благодаря моему таланту и в немалой степени благодаря тому ажиотажу, который возник на Западе в связи с моим именем. Я прекрасно все вижу и знаю, что у нас происходит. Вы поймите, пятьдесят процентов времени я провожу в нашей стране. Единственное, чем я от вас отличаюсь, так это тем, что имею валюту и потому могу купить

в валютном буфете здесь, в гостинице «Россия», сосиски, которые мы сейчас с женой ели, или вот этот кофе, которым вас сейчас угощаю.

- Как вы относитесь к Большому театру?

- Сложно. Раньше это было чувство негодования, глубочайшей обиды. Сейчас это в какой-то мере улеглось, прошло. Мне очень хочется, чтобы Большой стал настоящим театром, возродил былую славу, любовь к себе. А для этого нужен уровень певца. Поймите, я не говорю о себе. Возможно, я и не достоин петь на сцене Большого, но я знаю достаточно артистов, которые не только нуждаются в нем, но и в которых Большой нуждается. Как так случилось в свое время, что Барчуладзе, будучи лауреатом конкурса имени Чайковского, не стал солистом Большого?

Как случилось, что Курегин и Мурадян миновали Большой театр?

А вообще, очень много талантливых вокалистов оказались попросту театру не нужны.

- Ну, наверное, в Большом театре происходило все то же, что и в большой стране?

- Очень возможно. Ведь в последние годы в театре сложилась порочная система отношений не только между администрацией и труппой - что давно известно, - но и среди артистов. Отсюда и смещение ценностей, элементарной человеческой этики. Ведь невозможно нормально – я уже не говорю замечательно, интересно - работать там, где в сложившихся условиях, уже попросту нет сил жить.